

Хидан беспокойно заёрзал на стойке, внезапно осознавая, в каком виде они оба сейчас находятся, и ему вдруг стало отчаянно неудобно. Он пытался понять, что же, чёрт возьми, только что произошло, и смотрел в несколько отстранённое лицо Какузу, этот волнующий и немного пугающий блеск всё ещё был заметен в его глазах, символизируя его желание, которое он теперь сдерживал. Хидан, казалось, не мог ничего понять, его голова всё ещё плыла от грёбанных феромонов и всего того дерьма, о котором говорил Итачи, которое происходит, когда тебе так сильно хочется кого-то, что это выходит за пределы способности контролировать себя.

Он моргнул, не понимая, почему его до сих пор жгло изнутри. Это уже начинало причинять боль, эндорфин исчезал, а его мазохистские наклонности перестали превращать любую боль в удовольствие. Он снова пошевелился, пытаясь ослабить странное давление в животе, откуда, казалось, исходила боль. Это не помогло, и он отмахнулся от неё. В любом случае, нужно было заняться более важными делами.

Глаза Какузу наконец оторвались от его глаз, скользнув вниз по его телу, и он подавил дрожь, встревоженный и взволнованный где-то в глубине сознания тем фактом, что простой взгляд этого человека мог вызвать в нём такую реакцию. Он уставился на него, опираясь руками на стойку, с трудом осознавая, что Какузу застёгивает его джинсы, но даже это не вызвало в нём никаких мыслей, кроме желания наслаждаться красотой этого процесса.

Эмоции пронеслись сквозь него, ни одна из них не могла зацепиться, казалось, что все его чувства обёрнуты тёплым мягким одеялом. К тому времени, когда он почувствовал первую волну разочарования (точно, их же кто-то прервал. Кто-то видел их. Почему ему было всё равно?), оно уже успело смениться другими двумя чувствами.

«Чёрт ... я не могу ... думать ... », - признался Хидан, и его пронзила мысль, что это не очень хорошо, это ненормально. Он только отбросил эту мысль, он был просто пьян, вот и всё. Он выпил слишком много, и теперь его одолело это дурацкое чрезмерно пьяное состояние. Ничего страшного, он делал это тысячу раз. Кроме того, теперь было ещё более важное дело. Он снова перевёл взгляд на Какузу, который смотрел на него со смесью интереса и ужаса. Он попытался улыбнуться, чтобы успокоить его, хотя он не был уверен, зачем это нужно. Мышцы его лица, казалось, не хотели реагировать в данный момент, и его лицо оставалось нейтральным, хотя ему удалось открыть рот.

«Чёрт возьми ...», - он пытался вздохнуть, но будто не мог, - «Мне просто нужна сигарета ...», - утешал он себя, часто моргая, - «Хотя какой в этом смысл ...»

Какузу хмыкнул, соглашаясь.

Жжение в средней части живота вызвало резкую волну боли, как будто напоминая ему, что она всё ещё никуда не ушла. Однако он проигнорировал это, болезненно щуря глаза, и решил наклониться вперёд и положить голову на ключицы Какузу. Доктор не отстранился, как того ожидал Хидан, напоминая себе, кто именно здесь стоял с ним. Почти сразу же, как только он снова дотронулся до Какузу, он внезапно почувствовал, как безумно устал, будто стоит ему закрыть глаза хоть на секунду, и он просто вырубится.

Человек, на которого он опирался, вообще не двигался, за что Хидан был немного благодарен, так как его внезапно накрыло неприятное головокружение. Он изо всех сил пытался контролировать своё дыхание, каждый вдох вызывал покалывание, он втягивал воздух, но, казалось, его всё ещё не хватает.

Он попытался поднять руку, кажется, у него получилось. Он не был уверен.

Ладно, может, это всё-таки немного странно. Обычно, когда он нажирался до такого состояния, он вообще не был способен рационально мыслить. Не то чтобы он сейчас полностью осознавал, что происходит, но он точно чувствовал какую-то тревогу и страх, возможно, ему нужно было слезть со стойки, присесть и просто отдохнуть немного.

Он почувствовал прикосновение, кажется, Какузу схватил запястье его руки, лежащей на груди доктора. Он услышал неразборчивое, в пол голоса бормотание того, на кого опирался, кажется, он уже забыл, где он, с кем, и что с ним.

Чёрт, ладно, ему определенно нужно было нормально сесть.

«Что, где я? В чём дело?», - попытался сказать Хидан, но, казалось, получилось довольно неразборчиво.

Какузу стащил его со стойки, отвёл к креслу и отпустил. Рука альбиноса коснулась поверхности рядом с ним. Его разум зарегистрировал это как стол, и прежде чем он смог думать о чём-то ещё, его тело приняло решение прилечь на бок и сложить руки под головой. В закрытых глазах мерцали огни, и ему казалось, что он на каких-то американских горках, его шатало, хотя он был неподвижен.

Его это не беспокоило, это привычное состояние, просто частенько организм решает наказать вас за весь выпитый алкоголь. Но вот жжение в животе начинало сводить его с ума. Становилось хуже, сообщало его подсознание. Теперь, когда он сосредоточился, было понятно, насколько ему, чёрт возьми, больно, и это не желудок, как ему показалось в начале. Казалось, что-то жгло немного правее и выше. Будто у него внутри какой-то острый тяжёлый камень, решивший порезать его на части изнутри.

Его вдруг прошиб пот, озноб, и голова немного прояснилась. Он почувствовал, что над ним кто-то стоял, попытался поднять голову и открыть глаза.

Ему протянули стакан воды, по крайней мере, он надеялся, что это вода. От запаха алкоголя он бы сейчас точно блеванул.

Глаза не могли сфокусироваться, он пытался обратить внимание на человека рядом с ним.

«Только не блуй ради всего святого, иначе я просто брошу тебя здесь», - строго сказал Какузу,

вызывая, почему-то, волну тепла и спокойствия. Это придало ему сил развернуться и сесть нормально, выпивая весь стакан за раз. Только сейчас он понял, как же сильно ему хотелось пить.

«Заткнись, вредина ...», - прохрипел он, обращая внимание на странно мягкие, но шершавые губы Какузу, заставляя его сразу отвести взгляд. Ему всё ещё было невыносимо жарко, но чувствовался лёгкий, холодный ветерок, наверно, сквозняк, от которого становилось полегче.

Рядом скрипнуло кресло, когда Какузу сел в него, и Хидан заставил себя не оборачиваться и не смотреть на него, чувствуя, как его сердце бешено колотилось, и сейчас он не доверял своему телу.

Лицо горело. Чёрт, Какузу уже дважды помог ему, когда он вдруг терял над собой контроль, но сейчас ему буквально пришлось это сделать.

“Но ...”, - тихая мысль пробралась в его голову, - “Он дважды тебе помог, и даже не бросил тебя одного после ...”

Он резко вздохнул и вздрогнул, когда живот снова пронзило болью. Это было важно, верно? Нет, подожди ... это не имело значения. Ему не нужно сидеть здесь и расшифровывать скрытые мотивы Какузу, он ведь знал, что нравится ему, потому что они просто ...

Он стиснул зубы, отказываясь снова краснеть. Ради всего святого, он мужчина или нет?

«Ох, я... извини. Извини за ...», - пробормотал он, схватившись за пустой стакан, воздерживаясь от благодарности, вспоминая, что велел доктору заткнуться только что. Боже, дурацкий алкоголь ... пошёл ты.

«Это ты правильно. За свою заносчивость тоже извинись», - Какузу коротко ответил, хватая бутылку и наливая виски себе в стакан.

«Это я заносчивый!?!», - Хидан усмехнулся, - «Не носи хуйни», - сказал он, морщась и шлёпнув себя по лицу, за то, что он правда выпалил эту фразу в адрес Какузу, - «Ты даже с днём рождения меня поздравлять не хотел».

«А ты пытался меня выгнать отсюда», - сказал Какузу в ответ.

«Ага, зато я абсолютно уверен, что именно ты пытался стащить с меня штаны!», - хоть и заносчивость тут была ни причём, Хидан всё равно ляпнул это, наслаждаясь удивлённым лицом своего босса.

Тот молча отвёл взгляд. Если бы Хидан не бросил сейчас все свои силы на поддержание своего состояния, он был бы в восторге от такой реакции. Впрочем, ухмылка всё-таки показалась на

его лице. Он посмотрел в стакан в руке, но понял, что он пуст. Развернулся в кресле, чтобы посмотреть, где раковина, и понял, что дойти до неё потребует слишком много усилий. Он отчаянно хотел ещё воды, но будь он проклят, если попросит своего босса её налить.

Он обернулся, глядя на Какузу, сосредоточенно смотрящего на него. Он ёрзал со стаканом в руке, переводя взгляд с него на доктора. Немой вопрос снова всплыл между ними.

Что теперь будет?

Он открыл рот, чтобы спросить это вслух. Почему бы просто не спросить? В конце концов, они не были милыми, эмоциональными девчонками, они могли бы просто принять какое-то решение прямо сейчас.

Его губы оставались приоткрытыми, когда слова отказывались придумываться, зато снова всплыли воспоминания о том, как руки Какузу ласкают его тело, а его язык проходит прямо по шее. Внизу живота снова погорячело, посылая дрожь по всему телу и заставляя сжать челюсти.

Блядь. Ну чёрт побери. Это было так неловко, он был в ужасе, но ... он не мог позволить этому закончиться здесь, после того, что случилось. Он просто ... просто не мог. Он умрёт, подумал он, если не сможет почувствовать это снова. Сильная, удушающая боль пронзила его грудь, когда он попытался представить себе, что этого больше не будет. Эмоциональная боль подавляла даже настоящую, физическую боль в животе с такой силой, что он не задумываясь потянулся, чтобы схватиться за руку Какузу как за спасательный круг, встречаясь с ним своими расширенными в ужасе глазами.

«Не...», - боль утихла, это прикосновение помогло ему понять, что всё это реальность, что он здесь.

Какузу поднял бровь, - «Не что?»

Хидан открыл рот, но промолчал.

Какого чёрта? Слова, вы где?!

«Просто ... не надо. Не надо», - в отчаянии пробормотал он, ощущая постепенно нарастающую головную боль.

Какузу закатил глаза, поворачиваясь, чтобы посмотреть на часы над дверным проемом, но Хидан успел заметить, как у доктора изогнулся уголок губ.

Это была улыбка, подумал он. Я заставил Дьявола улыбнуться.

«Я врач, а не телепат, Хидан. Если ты пытаешься разговаривать, тебе стоит использовать слова, желательно, как можно больше», - сказал Какузу, поворачиваясь к альбиносу снова, всё с тем же выражением лица.

«Не ... уходи».

Доктор удивлённо поднял брови, - «Ну, нам придётся уйти. Если только ты не хочешь купить это здание и остаться в нём жить».

Хидан закатил глаза, - «Я не это имею в виду, прекращай быть умной жопой».

Какузу небрежно отпил из стакана, - «Я предпочитаю быть умной жопой, чем тупой жопой».

Хидан недоверчиво уставился на него. Какого чёрта? Он вёл себя так небрежно ... что за хрень?

Он открыл рот, гневно нахмурился, собираясь возмутиться. Однако у чего-то в его животе возникла другая идея: оно внезапно вздрогнуло и послало прямо в мозг зверскую волну боли. Хидан задохнулся и инстинктивно обхватил живот, согнувшись, зрение потемнело, но сразу же вернулось в норму.

«Хидан...», - тихо сказал Какузу со смесью беспокойства и предостережения.

Хидан попытался ответить, что всё в порядке, но от очередного приступа боли не смог вымолвить ни слова. Вместо этого поднял указательный палец, как универсальный знак "Подожди секунду".

Какузу поднялся на ноги, и Хидан на секунду запаниковал, пытаясь понять, куда тот собрался. Звук бегущей воды из-под крана успокоил его, и через мгновение доктор вернулся, положив руку на плечо Хидана, и с удивительной нежностью помог ему выпрямиться.

Взгляд Хидана встретился с ним. Он знал, что на его лице точно отражалась его просьба помочь и упрямое сопротивление, он отказывался признавать, что что-то не так, но, чёрт, что-то точно было не так. Он убеждал себя, что это ерунда, просто слишком много алкоголя, хотя упрямый голос в подсознании настаивал, что он пил сотни раз, но такой боли не чувствовал никогда, кроме случаев передозировки наркотой ... но ведь он ничего не принимал. Он только пил. Он не сделал ничего плохого ...

Какузу протянул ему стакан воды. Руки Хидана будто действовали сами по себе, хватая стакан и он снова жадно выпил всё сразу, будто он только из пустыни вышел.

«Хидан ...», - снова сказал Какузу, приседая рядом с ним на корточки, когда альбинос удовлетворённо выдохнул и поставил стакан на стол, вытирая губы тыльной стороной ладони.

Он только хмыкнул в ответ, бросая взгляд на раковину, потому что ему, честно говоря, просто хотелось пойти и пить воду прямо из-под крана.

«Сколько лекарств ты принимаешь?»

Хидан откинулся на спинку кресла, насмешливо уставившись на Какузу, - «Я не знаю, чёрт возьми ... я думаю ... четыре? Нет ... подожди ... В пятницу было только три таблетки, Тачи сказал, что четвёртые отменили, потому что мне стало гораздо лучше».

«Ты помнишь их названия?», - настойчиво спросил доктор.

Хидану не хотелось об этом сейчас говорить, у него уже был терапевт, и психолог, и фармацевт, и терапевт-психолог, боже... - «Нет конечно, а что?».

«Постарайся вспомнить».

«Не приказывай мне! Я спросил, зачем тебе это».

Какузу молча и сердито смотрел на него, а потом резко протянул руку и нажал Хидану на живот в определённой точке. Шок и боль пронзили всё тело моментально, заставив альбиноса взвизгнуть, грубо оттолкнуть руку и согнуться пополам.

«Какого чёрта ты делаешь, блядь!?».

«Такого. У тебя не желудок болит, а печень».

«И что!?!», - истерично ответил Хидан.

«И то, смешивание алкоголя и некоторых лекарств может привести к печёночной и почечной недостаточности, если быть не осторожным. Какие лекарства ты принимаешь?» - снова спросил он, раздражённо зарывав на Хидана.

Хидан вздрогнул немного, сосредотачиваясь и пытаясь вспомнить, - «Ох, кажется, одно из них начиналось на А. Что-то, что меня успокаивало, стабилизатор настроения или что-то в этом роде ... Чёрт, не могу вспомнить, но его ещё постоянно по телеку рекламируют ...»

«Аддералл?», - догадался Какузу.

«Точно! От синдрома дефицита внимания».

Какузу нахмурился в замешательстве, - «Аддералл вообще-то стимулятор, нет смысла

использовать его в качестве стабилизатора настроения ... Хотя с СДВГ я не спорю...»

«Ну, я не знаю, чёрт возьми, я просто делаю то, что мне говорят, чтобы меня не запихнули опять в какую-нибудь психушку ...», - сказал Хидан затихающим голосом, - «Ещё одно, тоже на букву А. Правда, не знаю, для чего он. Одно от психозов, вроде, второе от тревожных состояний. И ещё одно было от депрессии, но его отменили ... »

«Как называется второе?»

«Э-э ... Может... Прозак?»

Какузу закатил глаза. - «Тебе нужно быть внимательнее, я, конечно, не думаю, что они хотят тебя убить, но ты всё-таки должен знать, что ты принимаешь», - он встал прежде, чем Хидан успел ответить, взял стакан и пошёл снова налить воды. Хидан забыл, какие аргументы он собирался привести, как только увидел воду.

«Прозак по большей части антидепрессант, хотя и используется иногда как анти-тревожное и анти-психотическое средство. Но это какая-то глупость, потому что подобное лекарство тебе уже назначили», - он остановился, чтобы внимательно посмотреть на Хидана, жадно глотавшего воду, - «Мне кажется, они перестраховались, назначив тебе два лекарства с почти одинаковым действием против стресса. Ативан ты тоже принимаешь?»

Хидан промычал, допивая воду и отставляя стакан, - «Да! Точно!»

Какузу, казалось, расстроился, и Хидан тревожно смотрел на него, снова хватая стакан, чтобы хоть чем-то занять руки.

«Это опасная комбинация лекарств ... Твой психотерапевт - либо полный придурок, либо гений. Надеюсь, он лучше меня понимает, какое действие оказывают эти лекарства на твой воспалённый ум. Всё же я не психолог ...»

Хидан пожал плечами, - «Да и ладно, если они испортят мне организм, я просто подам на него в суд. Он мне всё равно никогда не нравился... самодовольный ублюдок».

Какузу мгновение мягко посмотрел на него и покачал головой, - «Ты идиот...», - пробормотал он, щипая себя за переносицу, - «Продолжай пить воду, тебе нужно промыть желудок, прежде чем твоя печень решит сойти с ума»

«Ой да пошёл ты. Я не пил с тех пор, как переехал к Тачи. Одна ночь меня не убьёт»

«Убьёт, если ты не будешь делать то, что я тебе говорю».

«Ну, выходит, я ничего не могу делать?»

«Кроме того, что я тебе говорю».

«Ты не мой врач»

«Но я твой начальник»

«Ну, тогда я подам в суд на тебя! За сексуальные домогательства!», - сказал Хидан, посмеиваясь, когда доктор снова промолчал. Хидан делал вид, что он вовсе не смущён своими действиями, но тепло распространяется по его телу каждый раз, когда он вспоминает ощущение рук Какузу на нём, его вкус, его запах ...

«Ты можешь, да», - бесстрастно ответил Какузу, - «Но не будешь. Так что завязывай с пустыми угрозами».

«Кто сказал, что они пустые!?!», - резко ответил Хидан, - «Я бы мог разорить тебя!»

«Ты и раньше мог это сделать, но не сделал», - невозмутимо сказал его босс, слегка улыбаясь.

Хидан судорожно вздохнул, и со свистом выдохнул, жгучая эмоция снова возникла в груди, когда он подумал, что может потерять Какузу из-за своих глупых слов. Ни за что, он не позволит этому случиться, только через свой труп. Осознание вдруг потрясло его. Когда, чёрт возьми, этот мудака стал так для него важен?

«Я так и думал ...», - сказал Какузу, садясь в кресло и наполняя свой стакан, - «Итак, раз ты никак не решишься поднять эту тему - всё это должно оставаться в секрете».

Альбинос замер в замешательстве, заставляя Какузу закатить глаза, делая еще один глоток виски, - «Я имею в виду ситуацию, которую ты назвал "сексуальным домогательством"».

Понимание настигло Хидана и злость поднялась в нём, - «Эй! Я не какой-то чёртов секрет, чтобы прятать меня в шкафу, ты, бесчувственная сволочь!»

Какузу поднял брови, и Хидан мысленно выругался, осознавая, как глупо это прозвучало. Почему, блядь, он вёл себя как какая-то неженка?!

«Я имел в виду, что афишировать это точно не стоит. Я подумал, что стоит уточнить этот момент, зная твою забывчивость».

«Какого хрена мне вообще идти и рассказывать кому-то, что я чуть не трахнулся с человеком в

два раза старше себя?», - едко ответил Хидан, стараясь задеть Какузу за живое, просто чтобы отвлечь внимание от своей глупости.

Какузу дёрнулся, и было заметно, что что-то изменилось в его глазах. Хидан удивлённо смотрел, думая, что правда умудрился задеть человека с, как ему казалось, ледяным сердцем, и неловко кашлянул, испытывая желание извиниться.

«Ты вообще закатил истерику, потому что думал, что ты мне не нравишься», - зарычал Какузу, нервно делая глоток из стакана.

«Эй, не совсем... Я просто взбесился, потому что я отлично проводил время, а тут увидел твоё чёртово лицо и вспомнил, что скоро мне снова нужно возвращаться на чёртову работу и притворяться ...», - он осёкся, опять мысленно давая себе пинка за то, что он просто не может держать свой чёртов язык за зубами.

«И притворяться, что ты не влюблён в меня?», - сказал Какузу и его ухмылка стала чуть заметнее.

«НЕТ! ... Ну ... Да ... Но нет ... Блядь, я не знаю, чёрт возьми!»

Какузу со свистом выдохнул, что было похоже на смех, и Хидан шокировано замер, - «Идиот...», - сказал он, но оскорбление вовсе не звучало как оскорбление, и хитрая улыбка поползла по лицу Хидана.

«Я тебе тоже нравлюсь. Так что ты тоже идиот».

«Это правда».

«Ты ведь больше не будешь вести себя как сволочь?»

«Только когда ты этого заслуживаешь».

«Ты думаешь, что я всегда этого заслуживаю».

«Точно».

«И что это значит?»

«Это значит перестань говорить, или я стану сволочью прямо сейчас».

«Я даже не делаю ничего, блядь, плохого!»

«Конечно, ты так думаешь. Ты ненормальный».

«Вредный сварливый ублюдок!»

«Глупый мальчишка».

Хидан уставился на Какузу, который смотрел на свой стакан, и вертел его в руках, всё ещё мягко улыбаясь. Он рассеянно провёл языком по губам, зная, что доктор не заметит этого соблазнительного жеста. Он был разочарован, когда не смог различить вкус Какузу на них.

Его босс не сказал этого прямо, но было очевидно, что он совсем не против того, что произошло. Это одновременно возбуждало и пугало альбиноса.

Он снова облизнул губы, уверяя себя, что у него будет достаточно времени, чтобы насладиться этим вкусом в будущем. В конце концов, они работали вместе, у него было достаточно времени.

Десятки возможных сценариев промелькнули в его голове, и он откинулся на спинку стула с довольной улыбкой на лице, как раз перед тем, как раздался стук в дверь.

,

Хидан снова поднёс сигарету к губам, и это спокойствие, которое раньше приносил ему табак, немного ослабло, потому что он с трудом удерживал себя в вертикальном положении из-за режущей боли в животе. Таюя стояла слева от него, Какузу прислонился к забору, который находился перед зданием справа. Девушка рассказывала его боссу какую-то ахинею, и было совершенно очевидно, что Какузу с трудом это терпит. Она подбежала к ним после того, как они с Акулой закончили эту весёлую сценку. По-видимому, девушка, которая привезла Таюю сюда, исчезла и не отвечала на ее телефон, и она попросила Хидана разрешить ей остаться у них на ночь, потому что у неё не было никаких денег.

Сейчас ему было совершенно насрать на всё, что она говорила и на всё, что вообще происходило вокруг, потому что он отчаянно пытался держать себя в руках, чтобы мыслить рационально. Они вышли на улицу втроём, Какузу вызвал такси и теперь терпеливо его ожидал, слушая бред этой сумасшедшей девки о его умственных способностях, потому что, видишь ли, у него хватило ума нанять Хидана на работу.

Хидан знал, что Таюя не нравится Какузу, ему вообще никто не нравился, это нормально, но он всё равно чувствовал себя виноватым. Но что, чёрт возьми, он должен был сделать? Сказать ей “нет”, несмотря на то, что она его очень близкий друг, но именно сейчас она их обоих ужасно раздражает?

Это было несправедливо, подумал он, но с другой стороны он был рад, что сейчас она

отвлекала внимание от него. Она несла там какую-то околесицу, и Какузу, конечно, отвлекался на неё, не обращая внимание на Хидана, который делал вид, что всё хорошо, хотя ему казалось, что его режут изнутри. Он взял предложенную сигарету у Таюи, не задумываясь, подкурил её и затянулся, как какое-то отвлечение от боли, и слушал, как она болтает с его боссом, его страстью, и его ... второй половиной? Ба, он не знал, сейчас ему было слишком тяжело думать.

Ему стало легче после разговора с доктором, он почти пришёл в норму, когда вошёл Итачи, боль, в основном, прошла, видимо, из-за воды. Только когда он начал смеяться, боль снова вернулась. С тех пор он делал всё возможное, чтобы убедить всех в том, что он в порядке, и никто ничего не заметил ... Ну, это значит, что он справился?

Он очень хотел домой, это было единственное, о чём он сейчас мог думать. Он хотел оказаться дома, свернуться калачиком в своей постели и спокойно переждать эту проклятую боль в животе, потому что он точно не собирался показывать свою слабость Какузу. Чёрт, тот уже успел помочь ему после того, как Хидан чуть не потерял сознание из-за опьянения и того, как целовался с ним и сводил его с ума от желания трахаться.

Это было более чем достаточное количество новых впечатлений на одну ночь, решил он. Петь на сцене, целовать своего босса, наблюдать, как Итачи ведёт себя как маленькая ревнивая сучка, а теперь это ... ну, он просто хотел, наконец, пойти домой. В этот момент он действительно почувствовал, что может проспаться несколько дней. Помимо боли, его душа все ещё была связана безмятежностью от всего, что произошло сегодня вечером.

«Эй ... Хид. Ты в порядке?», - спросила Таюя, оказавшись прямо перед ним и прищуриваясь.

Он удивленно моргнул и отшатнулся от неё, почти потеряв равновесие, его конечности внезапно начало покалывать.

«О чёрт, не хотела тебя напугать», - она засмеялась, когда он старательно выпрямился и дружески толкнул её, но сил, чтобы улыбнуться, не нашлось.

«Ты выглядишь еще бледнее, чем обычно», - продолжила она, - «Я на секунду подумала, что ты там помер, и вместо тебя призрак ...», - её улыбка исчезла, когда она заметила, как Хидан пытается изобразить хоть какую-то реакцию, которая не выдала бы его состояния. Она протянула руки, чтобы схватить его за плечи, держа его прямо, чтобы он не шатался, хотя он этого даже не замечал.

«Просто... просто чертовски устал...», - сказал он, задыхаясь, его зрение снова начало темнеть. Чёрт, ему нужно было сесть ... Где это проклятое такси?

«Оно как раз подъехало», - ответила Таюя, заставляя Хидана смутиться, потому что он, кажется, сказал свою мысль вслух, - «Пошли, ты меня чё-то пугаешь, надо отвести твою задницу домой».

«Хидан!», - резко сказал Какузу, и небольшой всплеск адреналина вернул ему зрение и способность ясно мыслить.

«Я в порядке!», - пьяно и счастливо ответил Хидан.

«Печень опять болит?», - спросил Какузу, игнорируя вопросы, которыми сыпала Таюя.

Хидан опустил голову и смотрел на землю. Он правда не хотел врать, особенно Какузу, ведь тот так не любил, когда ему врут. Но, чёрт возьми, он просто хотел пойти домой и лечь спать. Он не хотел причинять кому-то беспокойство.

«Я в порядке...», - сказал он, пытаясь сделать шаг и чувствуя, как колени подгибаются.

«Боже, чёрт возьми, какого, блядь, ХРЕНА!», - он громко ругался, лёжа на земле, чувствуя приступ головокружения, и закрывая лицо руками.

«Чёрт возьми, что с тобой!?», - крикнула Таюя, одновременно паникуя и злясь. Она подошла к нему, пытаясь поднять его в сидячее положение, - «Блядь, Хидан, это не смешно. Я слишком пьяная для такого дерьма, ты меня пугаешь!»

«Пф, ты такая трусиха», - сказал он, сумев ухмыльнуться ей, хотя и принял её руку, чтобы подняться на ноги, - «Мне просто нужно пойти домой, блевануть и пойти спать».

Кажется, у него потекла слеза по щеке. Чёрт возьми, как же больно ...

«Я так не думаю», - сказал Какузу, хватая его за руку и уводя в сторону машины, которая, казалось, испарялась перед ним. Доктор открыл заднюю дверь, Хидан моргнул и попытался снова сказать ему, что он в порядке.

Он очнулся на заднем сиденье такси. Они ехали, судя по движению, и когда машина подпрыгивала на кочке, его скручивало от очередного приступа боли.

Он застонал и услышал, что Таюя нетерпеливо и громко говорит, а потом послышался строгий, но успокаивающий голос Какузу.

«Я видела, как люди блюют и вырубаются по пьяни! Но я никогда не видела, чтобы кто-то вырубался, а потом блевал ... С ним всё будет хорошо?»

«Его организм пытался избавиться от отравляющего его алкоголя».

“Как же ... правда, ОЧЕНЬ, блядь, больно ...” - подумал он, положив руку на живот и хрипя, когда давление заставило боль нарастать до невыносимой остроты.

«Почему его глаза такие?», - громко спросила Таюя, когда кто-то заставил его открыть глаза, светя в них ярким светом. Он подумал, что она говорила громко, хотя сейчас это звучало будто издали ...

«У него острая печёночная недостаточность, печень не выводит токсины и алкоголь из его крови, глаза пожелтели от токсинов. Плюс незначительный случай желтухи».

«Ну, так сделай что-нибудь! Ты же чёртов врач?!»

«Именно поэтому мы едем в клинику! Ради всего святого, женщина, заткнись!».

О блядь ... Я умираю. Это паршиво ...

«Я не хочу умирать ...», - пробормотал он, чувствуя острую боль, похожую на укол на внутренней стороне локтя. Его глаза открылись, прищурившись в замешательстве, когда он увидел флуоресцентный свет ламп вместо салона такси.

Это похоже на свет на работе ...

«Заткнись, идиот, ты не умрёшь. Он тебе поможет», - выкрикнула Таюя сурово, будто злясь, но всё ещё беспокоясь. Звучало так, словно она была над его головой, что опять привело его в замешательство. Он попытался наощупь протянуть к ней руку, потому что яркий свет заставил его закрыть глаза. Кто-то грубо схватил его за запястье и прижал обратно, он попытался сесть, но две маленькие, но сильные руки схватили его за плечи, заставив остановиться.

«Сиди спокойно, дурак», - сказал Какузу.

«Что ... Что за хрень ...», - он не мог больше с этим справиться, он чувствовал, что ему хочется просить, умолять его помочь. Он глубоко вздохнул и сдержался. Он не мог этого сделать, не перед Какузу ... Что он вообще делал? Где, чёрт возьми, он был? Что происходит?

«Какузу ставит капельницу в твою руку, Хид, так что не двигайся».

«Где ... где Итачи ... Вечеринка ...»

«Мы ушли с вечеринки, помнишь? Но тебе стало плохо, и мы в клинике, чтобы помочь твоей печени ... придурок ...»

«Да блядь!», - зарычал Какузу, и Хидан мысленно удивился. Он почувствовал, как что-то тёплое стекает по его руке. Альбинос опустил голову и посмотрел на неё, сгибая пальцы, почему-то улыбаясь, когда он увидел кровь, стекающую по его пальцам, и руки Какузу в перчатках и в его крови, который, очевидно, вставил в его вену иглу.

«Чёрт!», - Таюя закричала, - «Какого хрена, что ты за врач такой?!»

«У него в организме полно алкоголя, его вены сузились, а давление повышено, конечно, кровь будет брызгать! Если ты не закроешь свой блядский рот, я запрю тебя в ванной, чтобы ты не мешала мне работать!».

Хидан снова улыбнулся. Ха, Какузу ругается и запирает Таюю в ванной. Это было бы весело.

Он бы посмотрел на это ...

«Он не отвечает. Я позвонила ему с телефона Хидана и со своего».

«Кисаме тоже не отвечает», - Какузу раздражённо вздохнул, - «Я не знаю, почему я удивлён. Никто никогда не слушает дурацкого врача».

«Эй, не веди себя так, будто не пил! Я чувствую запах этого дерьма».

Хидан зажмурился от сильного шума, вызванного их голосами. Его голова пульсировала, а тело болело, как в аду, как будто он лежал на долбанных камнях, - «Заткнись, чёрт возьми, дура ...», - пробормотал он, - «Я пытаюсь ... спать ...»

Его руку кто-то сжал, - «Хид, ты снова очнулся! И даже, кажется, соображаешь? Как ты себя чувствуешь?»

Он открыл глаза и снова был временно ослеплён флуоресцентными лампами. Его горло саднило, когда он выкрикнул вереницу ругательств, голос несколько раз дрогнул. Он хотел дотронуться рукой до своего лица, но рука не желала двигаться, будто чем-то сдерживаемая.

Разозлившись, он зарычал, сильнее дёргая рукой.

«Нет, не делай этого!», - закричала Таюя, - «Чёрт, идиот! Ну почему ты такой тупой?!»

«ОТПУСТИ МОЮ ЧЁРТОВУ РУКУ!», - зарычал он на неё.

«Нет, нам пришлось привязать её, чтобы ты не вырвал капельницу и не истёк, блядь, кровью! Перестань дёргаться, тупая задница!»

Смысл слов не доходил до него, и, начав паниковать, он снова дёрнулся. Это место пахло дезинфицирующим средством и йодом. Как чёртова больница. Он не хотел быть в больнице. Если он находился в больнице с капельницей в руке, это означало, что он опять поймал передоз ... и они, вероятно, подумают, что он пытался покончить с собой.

«Хидан!», - раздался низкий строгий голос, заставляя его бороться ещё сильнее, когда образ Какузу наводнил его разум. Он не пытался покончить с собой! Они не могли держать его здесь! Сейчас он действительно хотел жить! Они не могли снова поместить его в психушку, теперь он потеряет свою работу, потеряет своего босса. Этого не может быть, он ведь только что нашёл его. Если его заберут, Какузу никогда больше не заговорит с ним.

ВЫ НЕ МОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ ЭТО СО МНОЙ!

«Итачи!», - жалобно завыл он, всё ещё пытаюсь освободить руку. О боже, что подумает Итачи? Как это вообще случилось? Он не помнил ничего, кроме своих лекарств. Он ничего не сделал, его подставили. Это была не его вина, он ничего не делал. Он пытался поправиться! У него была работа, и он оплачивал свои счета. Он заводил друзей, чёрт возьми, у него ведь теперь есть Какузу ...

Кто-то схватил его за подбородок, пытаюсь заставить его посмотреть им в глаза. Он закрыл их. Он не хотел смотреть на них, он не хотел видеть их обвиняющий взгляд, их жалость к нему, - «Я не пытался убиться! Это несчастный случай! Не делайте этого! Не забирайте меня в это чертово место!», - он кричал, пинаясь ногами. Они не могли удержать его здесь, они не могли этого сделать, - «Я, блядь, убью вас! ДАЙТЕ МНЕ УЙТИ!»

Тело вновь пронзило болью, и его мышцы расслабились от шока, ноги безвольно упали на какую-то поверхность, на которой он лежал. Его глаза снова были открыты и смотрели на комнату. Грудь тяжело вздымалась, когда он делал вдох за вдохом.

Белой, комната была белой. Такой белой и чистой. Прямо перед ним была дверь, деревянная дверь с бронзовой ручкой. Это было странно, так ведь выглядели двери в клинике. Хотя неважно, таких дверей было много. Двери Итачи были почти такими же. Может он был дома? Нет, не похоже, здесь было холодно. Пахло больницей, было холодно и светло, и он был привязан к столу ...

«Хидан, успокойся, или я тебя вырублю», - слышался низкий шершавый голос и его, кажется, взяли за руку.

«Нет... пожалуйста... пожалуйста, не...», - жалобно стонал он, - «Отпусти меня ...», - сказал он ослабевшим голосом.

«Чёрт, посмотри на меня, наконец, идиот!», - сказал тот же голос, - «Ты никуда не пойдёшь!»

Он закрыл глаза, головокружение снова одолевало его, когда адреналин, давший ему силы сопротивляться, исчез. Какузу так его называл. Он назвал его дураком, идиотом, болваном. Придурком, мальчишкой ... Какузу был такой вредной ... но это никогда не беспокоило его так сильно, как остальных ...

«Я... опоздаю...», - пробормотал он, отключаясь, - «Тачи ... позвони Кузу ... Он так разозлится ...».

Кисаме петлял по дорогам, стараясь держаться подальше от шоссе, которые перпендикулярно проходили через город. Ехать по обычным дорогам было проще, они хорошо освещались и, как правило, на них редко попадались копы. Он никогда не был одним из тех людей, которые полностью теряют контроль и терпение по пьяни. В конце концов, полицейская машина может следовать за вами только три поворота, пока им не придётся либо остановить вас, либо уехать. Во всяком случае, они здесь не прятались.

Он почувствовал прилив адреналина, когда повернул налево через сплошную, нарушая закон, как будто это было так волнующе. Он громко смеялся над собой, снова ведя себя как подросток-бунтарь, несмотря на то, что давно прошел этот этап. Итачи сидел боком на пассажирском сиденье, прислоняясь спиной к двери, и с ухмылкой смотрел на Кисаме.

«Что тут смешного?»

«Всё», - усмехнулся Кисаме в ответ, на мгновение обернувшись, - «Адская вечеринка», - уточнил он, - «Какузу и этот пацан. Боже. Ты говорил мне, он говорил мне, они целовались, я до сих пор не могу поверить в это ...»

«Хм, ты уже должен был понять, что я всегда прав. Даже когда я неправ, я прав».

«А ты становишься очень самодовольным, когда напиваешься, а?», - он хихикнул, сделав еще один поворот, уверенно посчитав медленно до трёх на знаке «стоп», прежде чем выжать газ.

«Сейчас мне бы хотелось быть довольным от тебя...», - ответил Итачи, заставляя Кисаме удивленно повернуться к нему. Учиха улыбнулся, обнажая белые зубы.

По его позвоночнику пробежала дрожь. Это был самый хищный оскал, который он когда-либо видел ...

Хошигаки вернул своё внимание на дорогу. Возможно, везти пьяного Итачи к себе домой было не очень хорошей идеей, он боялся быть неправильно понятым. У него не было проблем с тем, чтобы делить с ним постель, но он имел в виду это в буквальном смысле - спать. Что касается секса ... он не думал, что был достаточно пьян для этого ...

Итачи совершенно уважительно относился к его опасениям и прекрасно понимал его чувства, хоть и раздражался немного.

Кисаме смирился с чувством, которое он выражал к Итачи. Он не думал, что вдруг стал геем или бисексуалом, потому что Учиха был действительно единственным парнем, о котором он когда-либо думал. Может быть, он был пан-сексуалом, о чём однажды предположил Итачи. Если он правильно понял, это означало, что вы просто любите людей такими, какие они есть, а пол вообще не имеет никакого значения.

Он соглашался, что это имеет смысл, хотя и не понимал, как пол может не иметь значения. Секс был частью любых отношений. И они оба были устроены одинаково ... Не то чтобы он был озадачен тем, как это будет работать, это было довольно очевидно, и, честно говоря, не беспокоило его так сильно, как он полагал. Ведь многие это делали, и он никого не осуждал... И не то, чтобы была какая-то разница между женской задницей и мужской ...

Не сказать, что он не доверял Итачи. Чёрт, если во всем мире был кто-то, кому он доверял, так это Итачи. Может быть ... возможно, он сам себе не доверял ... То, как Учиха смотрел на него, ему просто не хотелось его разочаровывать.

Что, если после этого он станет просто очередным покорённым чуваком?

«Извини ...», - тихо сказал Итачи, - «Я пьян ... Я тебя смущаю ... Я не пытаюсь на тебя давить, я просто сказал, не подумав ... Извини».

«Не парься», - ответил Кисаме, ободряюще улыбнувшись человеку, - «Это меня не беспокоит, правда». Правда?

«Перед тобой трудно устоять, я ничего не могу с собой поделать ...», - пробормотал Итачи, его глаза закрывались и открывались, борясь со сном. Чёрт, он ведь не спал всю прошлую ночь и половину этой. Кисаме был удивлён, что тот вообще ещё в сознании, очевидно, они сразу лягут спать, и ничего не случится этой ночью. У него не было причин для беспокойства, верно?

Хм, но это было странно. Он боялся возможного варианта развития событий, но так же боялся, что ничего не случится ...

«Я знаю это чувство», - сказал Кисаме в ответ, и Итачи снова улыбнулся ему.

Наконец, они подъехали к дому, он припарковал машину, заглушил мотор и помог своему черноволосому парню выбраться из автомобиля.

«Ты такой замечательный, Киса», - бормотал Итачи, когда они зашли в дом, - «Ты даже не понимаешь, насколько. Не понимаю, как ты мог быть одинок всё это время».

Кисаме засмеялся, помогая парню снять пальто, - «Ну, теперь я не одинок, у меня есть ты»

«Мм, верно. Ты мой. Всё моё», - тонкие руки обвили его вокруг него, Итачи уткнулся лицом в грудь Кисаме, тепло выдыхая.

Сердце Кисаме потеплело, и он улыбнулся ему, рассеянно проводя пальцами по гладким чёрным волосам. Мир был несчастным, одиноким местом. Счастье было подобно забытому наркотику, постоянно притягивающему людей к себе, обволакивающему их в прекрасных объятиях, и вдруг ускользающему в следующий миг без предупреждения. Любовь - это не что иное, как более своеобразная форма счастья, которую ещё труднее обрести, потому что она так специфична. Легко воссоздать, легко имитировать, легко обмануть себя, но трудно, чёрт возьми, на самом деле, по-настоящему найти. Никто не мог сказать, как долго продлится этот кайф, когда он вернётся и где ты сможешь найти его снова. Люди преследовали его всю свою жизнь, надеясь, что он появится в последний раз, когда они будут лежать на смертном одре...

То, что он чувствовал к этому человеку в своих объятиях, немного пугало его. Итачи был его наркотиком, его счастьем. Кисаме был спокойным парнем, и он считал, что ему повезло с этой чертой характера. "Всегда слишком весёлый", - говорил ему Какузу. Довольный тем, как текла жизнь, потому что он реалистично относился к жизни, понимал, что будут не только белые полосы, но и чёрные. Но этот Учиха, он был слишком совершенен, это выбивало из равновесия. Он не мог не радоваться, даже когда не был рядом с этим человеком, потому что знал, что тот снова будет рядом, когда они увидятся в следующий раз.

Он без труда принял её... но счастье никогда не длилось долго. Ложная любовь никогда не длилась долго, а настоящая была очень, очень редкой...

А может быть, именно этого он и боялся. Он мог бы продолжать быть непосредственным и весёлым до конца своей жизни, зная, что будет ещё что-то или кто-то новый в его жизни. Но с кем-то постоянным, он знал, что привяжется. Чёрт, он уже привязался, и что будет, когда жизнь решит, что с него хватит счастья? Что, если всё рухнет?

Нет, не Итачи он не доверял, не себе он не доверял. Это была не мысль о близости с другим мужчиной. Это была просто жизнь. Это была его проклятая человечность, так боящаяся

неизвестности. Неспособный наслаждаться тем, что прямо перед ним, из-за того, что он не может оторвать глаз от горизонта, ожидая чего-то ещё.

«Твой, твой», - наконец он прошептал в ответ, наклонившись, чтобы подхватить мужчину и отнести его в спальню, - «Но ты, дорогуша, должен усыпить свою пьяную, бредящую задницу».

«Ура, спать!», - как-то весело и непосредственно выпалил Итачи, заставляя Кисаме засмеяться.

«Я сплю голым, знаешь ли ...» - хихикнул он, прижавшись лицом к груди Хошигаки, и, если тот не ошибся, глубоко вдохнул его запах.

«Да ладно? Даже при том, что у тебя дома живёт непредсказуемый взбалмошный парень?»

«Ну ... я сплю голым в твоём доме».

«Ты ещё ни разу здесь не спал».

«Ну, я решил, что теперь буду так делать. Не спорь со мной, Кисаме. Я всегда прав, помнишь?», - сказал Итачи, взвизгивая от удивления, когда его бросили на кровать.

«Значит, мне просто нужно не давать тебе спать, да?», - Кисаме лёг рядом и оставил след невесомых поцелуев на шее Учихи, а тот потянулся, зевая.

«Нет, я думаю, что тебе нужно мне помочь. Я так устал, знаешь...», - сказал он, слабо потянув за рубашку Кисаме. В этом был двойной смысл, который Хошигаки смог уловить.

«Это моя одежда, ангел».

«Да. Ты же тоже спишь голым».

«Ты такой проникательный. Как ты узнал?»

«Я знаю всё».

«О, тогда что, по-твоему, произойдет, если мы оба окажемся в одной постели голыми?»

«Очевидно, мы будем спать».

«Ты так думаешь?»

«Ну, после всего... да».

Кисаме позволил Итачи стянуть с себя рубашку, изучая его лицо, его сладкую улыбку, его обожающие глаза, пока он проводил руками по его груди, вниз по бокам, вверх по рукам. Он, как всегда, водил пальцем по шрамам Кисаме, изучая их, словно в них была какая-то тайна, которую нужно было раскрыть, рассматривая их с таким пылким интересом, что любому другому показалось бы, будто он никогда раньше их не видел. Кисаме закрыл глаза, позволяя ощущению раствориться на коже, его шрамы не были чувствительны, он не ощущал прикосновений по ним. Было несколько мест, где, даже если взять нож и проткнуть им кожу, он ничего не почувствует, пока лезвие не дойдёт до более глубокого слоя. И всё равно ему это нравилось. Женщины, с которыми он был, всегда боялись прикоснуться к шрамам. Приятно, подумал он, что кто-то совсем их не боится. Наконец, руки Итачи, казалось, насытились, и он снова потянулся к его лицу, обхватил его подбородок и нежно прижался губами к губам Кисаме.

Его тело бросило в жар от знакомого вкуса этих губ, как это происходило каждый раз, отвечая на какую-то странную связь, которая так сильно притягивала его к этому парню. Вся его красота, как внутренняя, так и внешняя, словно сливалась с ним, просачивалась в него с обжигающей силой, которая, как всегда, заставляла его желать большего.

Его разум, не столь пьяный, как у Итачи, но, конечно, не трезвый, казалось, сделал шаг назад, когда эти длинные пальцы скользили по нему так легко, почти невесомо. По его груди, по бокам, до бёдер, а затем снова поднимались выше, чтобы зацепиться ему за шею, притягивая его нежно, но настойчиво. Он позволил Итачи притянуть себя ближе, он хотел быть ближе, и хотя эти ноющие сомнения всё ещё тянули его назад, теперь они стали намного тише, отталкиваемые ощущениями, которые давал ему Учиха Итачи.

Они ненадолго оторвались друг от друга, жажда вернулась, так что он смог стянуть с Итачи кофту одним настолько плавным движением, что он даже не был уверен, как ему это удалось. Его снова потянули вниз, возбуждение покалывало кожу, когда руки Учихи снова гладили его тело, но теперь с большим намерением, зная, что именно сильнее его заведёт (а это почти всё, что делал Учиха).

Он снова ощутил нерешительность, но отмахнулся от неё. Никаких отвлекающих факторов, никаких сомнений. Когда жизнь давала вам лимоны, вы делали лимонад. Когда жизнь дала тебе Итачи, ты никогда, никогда не откажешься от него.

Он доверял ему во всём. И в этот момент он решил, что даже если он не доверяет судьбе, случайности или какой-то другой силе, управляющей вселенной, он будет доверять этому человеку, обожанию, которое он чувствовал к нему. Вот из чего состоит жизнь - из погони за счастьем, и будь он проклят, если нарочно позволит ему ускользнуть от него из-за чего-то столь нелепого, как страх перед неизвестностью. Как чертовски глупо, сказал бы Какузу, что люди постоянно теряют то, что им дорого, потому, что они тратят всё своё время впустую, боясь наслаждаться им, пока оно у них есть. В некоторых случаях это было почти так же глупо, как просто принимать это как должное, полагая, что оно всегда будет с тобой. По сути, это всё одно и то же, когда действительно приходишь до мелочей.

Пальцы скользнули по краю его джинсов, его спина выгнулась, живот судорожно дрогнул, позволяя им скользить ниже. Мягкий вздох раздался от его парня, и если бы его глаза уже не были закрыты, они бы закатились от волны желания и удовлетворения.

Кисаме передвинулся, не разрывая поцелуй, пока не смог опереться на одну руку. Другой рукой он пригладил взъерошенные черные пряди, обнажив фарфоровую кожу шеи Итачи. Он переключился на неё с самозабвением, разум сделал ещё один шаг прочь от реальности, его тело теперь действовало самостоятельно.

Итачи резко втянул воздух, когда его укусили, а затем снова успокоили покрытые шрамами губы Кисаме, тонкие ноги подтянулись, чтобы обхватить его нижнюю часть тела.

Брюки и мои боксеры... Кисаме подумал, был ли Итачи вообще в нижнем белье, взволнованный этой загадкой. Между нами три слоя. Может быть, четыре.

Легко снимаемые слои из ткани.

Но не сейчас, не сейчас..

Он скользнул вниз по гибкому телу, жалея, что не может видеть выражения лица Итачи, когда тот вздыхал от удовольствия и предвкушения, пока он выцеловывал свой путь вниз к его груди. И всё же это не так уж сильно отличается от девушки, рассуждал он про себя. Учиха был так не похож на девушку физически, но реагировал так же, как и они, испытывая те же ощущения.

Гладкий. Мягкий. Боже, он хотел его целиком.

Он осторожно взглянул на Итачи, который лениво моргал в потолок, закинув руки за голову, делая короткие, неглубокие вдохи и выдохи, прежде чем он провёл языком по обнаженному соску. Тело под ним напряглось и выгнулось дугой, умоляя о большем с ещё одним тихим вздохом, который превратился в его имя, произнесённое тихим шёпотом.

Кисаме прерывисто вздохнул от нахлынувшего на него порыва, почти проглотив затвердевший сосок, посасывая и обводя его языком. Итачи выгнулся ещё сильнее и застонал - точно так же... "мужчина или женщина, - подумал он, - все чувствуют одинаково".

Он дразнил Учиху свободной рукой, щипая и кусая. Отстранился, не в силах скрыть гордую улыбку, и наклонился вперёд, чтобы коротко поцеловать Итачи.

Хитрость Итачи, вернее, то небольшое, что от неё сейчас осталось, исчезла, когда Кисаме с удивительной яростью повалил его на спину, сминая их тела вместе, целуя, и придавливая своим весом. Однако он, казалось, не возражал, поэтому Хошигаки не сдвинулся, чтобы сохранить равновесие, когда его агрессивно целовали в ответ.

На этот раз никто не помешает, чему он был искренне рад и в чём всё ещё не был уверен. Он задвинул эту мысль как можно дальше, решая не поддаваться этой проклятой ноющей неуверенности.

Он хотел этого всем сердцем, душой и телом.

Пьяный или нет, он хотел запомнить каждую секунду.

Так и должно быть в первый раз, каждый раз, для всех.

С удивительной силой его оттолкнули в сторону, его недолгое замешательство было использовано против него, он скатился с Итачи, они поменялись местами - Итачи теперь оседлал его бёдра, потираясь о его пах, не делая ничего, чтобы уменьшить голод или возбуждение Акулы.

Его руки скользнули вниз по изящному телу и пробрались под черные брюки, его любопытство было приятно удовлетворено, а возбуждение удвоилось, когда он обнаружил, что Итачи в полной готовности.

Родственные души. Им суждено быть вместе с самого рождения. Именно так Итачи называл Какузу и Хидана... ну, может быть, и они тоже... Один был создан специально для того, чтобы превратиться во всё, что когда-либо захочет другой, гарантируя, что они увидят друг друга и не смогут сопротивляться притяжению.

«Ты скоро заставишь меня потерять всё моё оставшееся здравомыслие...», - прошептал Итачи, их лица были в нескольких дюймах друг от друга. Кисаме ответил только с усмешкой.

«Или ты можешь просто потерять штаны ...»

Итачи издал нечто среднее между стоном и рычанием, прежде чем соскользнуть вниз и встать на колени, наклонившись, чтобы почти неистово расстегнуть ширинку Кисаме. Он медленно стянул оба слоя вниз, глядя на желаемое с хищными намерениями.

Не стыдясь и не веря своим глазам, Кисаме позволил ему сесть, когда его брюки упали на лодыжки, а Итачи, казалось, был слишком охвачен благоговейным страхом, чтобы полностью снять одежду.

Он стряхнул свои брюки с ног, и в данный момент они были заняты тем, что снимали брюки Итачи. Когда дело было сделано, они оба немного посидели молча, глядя друг на друга в тусклом свете уличного фонаря, проникающем через окно.

«Почему ты такой идеальный?», - внезапно спросил Итачи, с выражением, будто у него захватило дух.

Не зная, что ответить, Кисаме сказал, - «У меня к тебе тот же вопрос»

В следующее мгновение он снова был прижат к кровати человеком, который, как он был счастлив заметить, был сильнее, чем казался, и его снова втянули в поцелуй. Они оставались так, кожа к коже, жар к жару, двигались и тёрлись друг о друга, наслаждаясь своей общей наготой, пока Итачи не соскользнул вниз, обратно на край кровати.

«Могу я...?», - тихо спросил он, схватив мучительно возбуждённый член Кисаме и медленно поглаживая, от чего у того вообще все мысли вылетели из головы. Мысли наводняли его разум, пока эти женственные, стройные, сексуальные руки не оказались на его коже, видеть, как он сжимает его там... было... было...

Он только застонал в ответ, и с хитрой улыбкой Итачи открыл рот и обхватил им самую чувствительную часть своего дорогого Кисаме.

Пожалуй, это может быть немного больно... Это была первая мысль, которая промелькнула в сознании Итачи, когда вкус, которого он так долго желал, ощутился на его языке.

Конечно, он и не ожидал, что Кисаме будет меньше. Это было бы глупо, конечно, его член будет таким же большим, как и всё остальное. Но эта мысль никогда по-настоящему не оседала в его голове, пока он не ощутил во рту огромную часть этого человека. Среднего размера вполне хватило бы...

Однако у Кисаме было больше, чем средний размер.

Но его задумчивость продлилась только несколько секунд... Его рот наполнился слюной от собственного удовольствия, когда он начал двигать головой вниз, назад, вверх и снова вниз. Тогда я, возможно, умру от удовольствия, подумал он... По крайней мере, он на это надеялся. Что может быть лучше? Ему было всё равно, он мог только думать об этом произведении искусства во рту, сопротивляясь румянцу, который обжёг его лицо, когда он поднял глаза и увидел, что Кисаме смотрит на него, облизывая губы, как лев, готовый выпрыгнуть и поймать свою добычу.

Он не мог просто делать это, как обезумевшее от секса животное, это испортило бы настроение и совершенство момента, и, хотя Хидан частенько в шутку называл его шлюхой, это было совершенно не так. Это был первый раз Кисаме с парнем, он не мог использовать каждый трюк в своём арсенале сразу.

Но, блядь, он хотел, чтобы этот человек был внутри него. Прямо сейчас.

Кисаме комкал руками простыни, сжимал челюсти, если бы не затрудненное дыхание и не вырвавшиеся из него чувственные стоны, могло показаться, что ему это не нравилось. Секс иногда был такой сложной штукой.

«О, чёрт возьми, Итачи ...», - тихо произнёс Кисаме.

«М-м-м-м...», - это всё, что Учиха мог сделать, не в силах даже покачать головой, чтобы сказать Кисаме, что не готов остановиться. На мгновение может быть неловко, если его дорогой партнёр случайно попадёт ему в рот, но он не будет возражать. На самом деле он чуть больше пускал слюни от этой мысли, радуясь, что свет из окна не доходил до него, чтобы осветить беспорядок, который он творил.

Эй, он не мог оставаться чистым постоянно, секс был грязной, неряшливой штукой, даже в лучшие времена.

Он продолжал делать то, что делал, но более энергично, что спровоцировало мужчину на кровати поднять руки вверх, чтобы закрыть лицо, и зарычать в них, издавая отрывистые проклятья шёпотом и хриплыми вздохами.

Итачи не волновался, наверняка у кого-то вроде Кисаме хватило бы выносливости. А если нет, что ж, ему придется проявить немного силы, что, как он рассудил, вероятно, только заставит мужчину наслаждаться собой больше, поскольку ему нравилось быть "укрощённым" Учихой.

У Кисаме, очевидно, были другие мысли на этот счёт, что вызвало одобрительный смех, когда тот, казалось, вышел за пределы самоконтроля. Он резко выпрямился, и в ответ Итачи оторвался от своего занятия, чтобы посмотреть в его глаза, напряжённые и голодные.

И в следующую секунду Итачи схватили и вытащили из его полусогнутого состояния, снова возвращаясь в то положение, в котором они были раньше, на этот раз с приятным отсутствием одежды.

Он ахнул, когда мокрый, скользкий член Кисаме с восхитительным толчком потёрся о его собственный. Его снова поцеловали, спина непроизвольно выгнулась дугой, когда его собственное возбуждение снова начало расти.

Хорошо, подумал он, он боялся, что ему придётся быть сверху. Обычно он не возражал против такого положения, но не в первый раз. Никогда в первый раз. Ещё больше невысказанных сексуальных принципов. И внутренне он понял, что это означало, что он, скорее всего, будет не готов. Кисаме привык заниматься этим с женщинами, с которыми в этом смысле было проще. И эта мысль действительно беспокоила его, потому что Кисаме был большим, и всё такое... это было бы больно.

Он схватил мужчину за широкие плечи и притянул его ближе, резко прикусив мочку уха.

Единственным вариантом удержаться от какого-то неловкого урока однополого секса было бы поторопиться и приготовиться самому.

Честно говоря, он не особенно раздражался из-за этого, он не спал почти два дня, в конце концов, как бы ни был прекрасен этот момент. В любом случае, решил он, этой прелюдии вполне достаточно, особенно для такого новичка, как Киса.

«Ты нужен мне сейчас же...», - прошептал он на ухо Кисаме, прижимаясь к нему, - «Пожалуйста...», - чёрт, как унижительно... подумал он, мысленно себя проклиная. Он ненавидел такое поведение и, более конкретно, эту фразу, но этот чёртов алкоголь в сочетании с его усталостью, одновременным возбуждением и адреналином приводили его в отчаяние. По крайней мере, это произвело желаемый эффект. Кисаме на мгновение напрягся, как будто обдумывая эти слова, а затем отстранился, словно бы возвращая себе часть сознания, когда посмотрел на Итачи, который изо всех сил старался выглядеть как можно сексуальнее.

“Если он отступит сейчас, я его прибью...” - подумал Итачи, наклонив голову и глядя на мужчину с умоляющим видом. Он приподнялся на руках, пока тот, казалось, мысленно воевал сам с собой, его ноги были всё ещё на бёдрах Кисаме. Он поцеловал сильную челюсть, спускаясь вниз по шее, несколько раз ощутимо укусил в плечо, делая всё, чтобы отвлечь Хошигаки от раздумий. Он слегка передвинулся, закидывая ноги на Кисаме, а затем лукаво улыбнулся ему, когда тот издал судорожный стон, и, опуская руку ниже, снова взял в руку его член. Он мягко поцеловал его шрамы, слегка приоткрыв губы, один, второй, и медленно направил член Кисаме к себе.

«Киса ...?», - спросил он после третьего поцелуя, замечая, что Хошигаки замер. Его глаза очистились от вдумчивого тумана, он перевёл взгляд на Итачи и, судя по всему, было принято какое-то внутреннее решение, поскольку напряженное выражение его лица наконец смягчилось и он улыбнулся.

Учиха улыбнулся в ответ, неспособный и не желающий останавливаться, поскольку улыбка Кисаме едва не заставила его сердце взорваться любовью и обожанием. Он начал двигаться к нему, будто в замедленном темпе. Сначала их губы соединились, отвлекая Итачи от возрастающего давления на его вход, а затем, превосходя все ожидания, толстый слой импровизированной смазки Итачи сработал как чёртово волшебство, и благодаря быстрому толчку, Кисаме был внутри него.

Итачи откинул голову назад, когда крик где-то между болью и непреклонным удовольствием вырвался из него.

Да, это определено больно.

Хотя он не мог найти время, чтобы смущаться из-за этого, он не смог сдержать хищный коварный смех от того, что Кисаме прижался к нему, пытаясь отвлечь его от жжения в заднице с помощью болезненных укусов в шею.

Да, Кисаме, может, и не знал всех основных принципов такого секса, но, по-видимому, прекрасно осознавал свои размеры, что привело его к тому, чтобы научиться делать то, что он делал сейчас.

Итачи тихо постанывал между тяжелыми вдохами, пытаясь пошевелиться в этой ядерной смеси боли и удовольствия. Кисаме был абсолютно неподвижен, давая ему время на то, чтобы привыкнуть, и покрывал его поцелуями.

Прикоснись ко мне... Он попытался сказать, но не смог из-за подавляющего удовлетворения от того, что был так наполнен. Сейчас это не причиняло боли, но он знал, что как только мужчина пошевелится, боль снова вернётся. Но в то же время, пока он снова не начнёт двигаться, лучше не станет. И ему нужно было больше отвлечения, чем просто поцелуи, больше стимуляции.

Но он, казалось, не мог вымолвить ни слова, не мог даже пошевелиться, только онемевшими руками обхватил Кисаме за плечи и шею. И поэтому его желания остались без внимания, за что он был благодарен уже в следующую минуту, так как вполне мог умереть прямо там, в оргазме. Он не хотел, чтобы это был какой-то сигнал, что он готов к большему, но это было воспринято именно таким образом, Кисаме отступил и вышел наполовину.

Итачи выдохнул сквозь зубы, и у Кисаме вырвалось лёгкое ворчание. Это заставило его резко открыть глаза и посмотреть на человека, который виновато улыбнулся.

«Извини... Итачи...», - сказал он, это звучало вымученно, словно ему тоже было больно, - «Ты ... Ах, очень туго. Больно...».

По какой-то причине, которая до сих пор озадачивает Учиху, он разразился смехом, от которого, конечно же, сжались все мышцы его тела, что в свою очередь заставило Кисаме громко, рыча, выругаться. Это заставило бы его смеяться ещё больше, если бы ему тоже не стало ещё больнее. Ему удалось сдержать почти маниакальное хихиканье, которое Кисаме терпеливо слушал сквозь стиснутые зубы. Когда это не сработало, Акула прибегнул к другим мерам, успешно заткнув Итачи резким толчком, превратив его хихиканье в пронзительный стон.

Звёзды взорвались за веками Итачи. Самообладание вылетело в окно, логическая мысль покинула его, как только он услышал возбуждённое рычание от Кисаме. Его мир погрузился в забытие, неопишное удовольствие пронзило его, как электрический разряд, когда Хошигаки начал ритмично двигаться в нём.

Реальность, мир, прошлое и будущее, всё едино и всё в его жизни - всё исчезло во вспышке осознания. Были только он, Кисаме и эта Нирвана, в которой они оказались. Он очень смутно

сознавал, что кричит, а может и не кричит, по мере того как проходили секунды, по мере того как в нём нарастало давление, и кроме этой случайной ясности он не имел ни малейшего представления о том, что ещё происходит. Его несколько раз целовали, подумал он. Возможно, был какой-то странный разговор, и тогда он был абсолютно уверен, что кричит, пытаясь высвободить часть этого всепоглощающего экстаза, разливающегося по его венам, как расплавленный огонь. Он вспомнил, как яростно говорил Кисаме, что если он остановится, то съест его живьём, несмотря на смутное опасение, что он может потерять сознание в любой момент, и если за этим кроется какой-то скрытый сексуальный смысл или это настоящая угроза, он честно не знал. Сейчас у него не было возможности сосредоточиться на продолжительных размышлениях. Всё, что он мог сделать, это ухватиться за ту нить, которая поддерживала его жизнь и дыхание в тумане этого эйфорического урагана.

Они были в этом “нигде” в течение нескольких часов, на седьмом небе, как некоторые люди называли его. Он понятия не имел, сколько времени прошло на самом деле, и, честно говоря, ему было всё равно. Кисаме остался с ним, двигаясь синхронно, дыша вместе с ним, постанывая вместе с ним. Он чувствовал, как его собственные пальцы впиваются в кожу мужчины, слышал проклятья блаженства и неверие в это блаженство, которыми они безжалостно обменивались. Частота толчков неуклонно росла, Кисаме двигался всё быстрее, но ни один из них, казалось, не осознавал этого, пока какой-то шнур не оборвался в этом “нигде” в голове Итачи.

Он не знал, что сказал, охваченный радостной паникой, но он знал, что подтянулся, цепляясь за плечи Кисаме, когда это произошло. Где-то на задворках сознания он вспомнил, как сражался в ужасной бесконечной войне, которая длилась годы и годы, в то же время не больше миллионной доли секунды, не зная, выкрикнуть ли "О, ГОСПОДИ БЛЯДЬ БОЖЕ" или имя Кисаме, когда они оба, наконец, упали за грань здравомыслия и достигли кульминации с пугающей свирепостью.

В конце концов он просто сказал и то, и другое, кажется.

Он был окутан безумно мягким одеялом темноты и изнеможения, после чего волны удовольствия, вызванные оргазмом, нахлынули на него, затем плавно отступая. Он чувствовал головокружение и движение окружающего мира, когда что-то двигало его по какой-то мягкой поверхности, на которой он находился. Тепло разлилось по его коже, и он не осознавал, что она холодная, пока не накрылся тем, что, как он мог только предполагать, было реальным одеялом. Его дыхание замедлилось, когда он сумел перекатиться на бок, всё ещё такой же умиротворенный.

Он не знал, удалось ли Кисаме почувствовать то же самое, он мог только предполагать, но тот тоже счастливо улыбнулся, когда Итачи почувствовал, что его крепко обнимают и притягивают к себе. Он вздохнул, умудряясь провести своей все еще онемевшей рукой по той, что обвилась вокруг него, переплетая их пальцы.

Я никогда не покину это место... Он дал себе слово. Мы останемся здесь навсегда...

«Навсегда ...» - заверил его низкий мягкий голос.

Поцелуй в висок, и наконец он позволил себе уснуть, чувствуя, что может умереть прямо сейчас и отправиться напрямиком в ад, куда, как уверял мир, он и попадѣт, но ему было всё равно.

<http://tl.rulate.ru/book/58664/1503088>